

Игоря Николаевича, председателя комитета по делам отцов и детей Государственной Думы, долбанул инсульт прямо в кабинете, на рабочем месте.

Тело его ещё только сползло с кресла в стиле ампир, лысеющая голова ещё билась в мелких противных конвульсиях о тумбу письменного стола из карельской берёзы, а ощущения Игоря Николаевича уже удвоились.

С изумлением он констатировал, что наряду с удушьем и непреодолимой тяжестью в голове осязает невиданную лёгкость, едва ли не крылатость! Подслеповатые глаза Игоря Николаевича ещё созерцали пластиковый квадрат окна и тускнеющее зимнее небо, но параллельно он с молодой зоркостью видел свою мешковатую фигуру, неловко провалившуюся между массивным креслом и громоздким столом. В спину ей давили узоры кресла, но внешнее воздействие Игоря Николаевича не беспокоило.

На столе зажужжал внутренний телефон. Ни телу, ни самому Игорю Николаевичу нечем было снять трубку. И секретарша всунула в кабинет симпатичную мордашку:

– Игорь Николаевич, с вами всё в порядке? Мне показалось, что-то упа... Ой, мамочки!.. – завизжала секретарша. С места, где она стояла, прикинул Игорь Николаевич, ей было видно пустое кресло и ботинки, неловко торчащие вбок.

Поднялась суматоха. Причитая, секретарша пробежала сквозь Игоря Николаевича к его столу – прежде он не разрешал ей, несмотря на их развёрнутые и многофункциональные отношения, пользоваться своими девайсами. Но теперь его нисколько не волновало, что она схватила трубки сразу двух телефонов и первым делом по городскому вызвала

«скорою», а вторым по внутреннему – начальника службы безопасности. Его в нынешнем состоянии уже ничего не волновало. Сладость отсутствия физической оболочки довлекла всему его существу. Игорь Николаевич сделал несложный вывод: его нынешнее состояние уместно называть «бестельем». В бестелье было хорошо.

Однако что-то отравляло прелестное бестелье. Что-то мелкое, но досадное, как для тела – складочка на стельке либо кусочек пищи между коренными зубами... Бестелью Игоря Николаевича казалось, что огорчительное чувство связано с чем-то, что он увидел в свои последние секунды в человеческом мире. Кажется, случилось что-то мерзкое... шумное... публичное... но что? Бестелье отказывалось вспоминать.

Игорь Николаевич предпринял попытку подвигаться. После нескольких бесплодных попыток пошевелить ногами Игорь Николаевич понял, что его движение зависит от мысленного импульса – достаточно лишь сказать себе «вверх», «вниз», «вправо»...

Далеко уйти от кабинета Игорю Николаевичу не дали. Импульс куда более мощный позвал бестелье вверх – и на молниеносном взлёте у него захватило дух. Бесконечно меняющая цвета грозная и мощная прозрачность струилась мимо него, и бестелье не имело сил остановиться. Лишь когда Кто-то словно бы окликнул, ничто сгустилось и образовало стену, где светилась тёплым огнём арка с полукруглым верхом. Бестелье замерло в проёме.

Перед ним была любезная душе Игоря Николаевича картина: типичная приёмная о-очень большого начальника. Приёмную заливал свет люминесцентных ламп оттенка «дневной жёлтый», от которого всё в помещении казалось уютным. Смазливая, приветливо улыбающаяся, но строго одетая секретарша за компьютером ультранового поколения, не менее продвинутая кофе-машина в углу, небольшая «оранжерея» роскошных цветов. И солидная дверь в углу, к которой притянулись взгляд и сущность Игоря Николаевича.

– Вам придётся немного подождать, Пётр Симонович знает о вашем прибытии и приносит извинения – он занят и выйдет к вам в ближайшее время, – хрустальным голоском произнесла секретарша. Игорь Николаевич прочитал табличку на двери: «Пётр Симонович Ключарь, заведующий сектором идентификации и оптимизации».

Тут немолодой, но крепкий человек в отменно сидящем деловом костюме высунулся в приёмную:

– Игорь Николаевич! Дорогой вы мой! Тысяча извинений, текущие дела замучили! Но всё, всё, теперь я к вашим услугам! Проходите же!

Бестелье, как рябь ветра по воде, втянулось в кабинет заведующего сектором и расположилось в кресле из отличной кожи, а Пётр Симонович уселся на козырное место напротив него. Высокий двухтумбовый стол был такой же, как у самого Игоря Николаевича. Петр Симонович взял со стола планшет – копию его Игорь Николаевич купил своей младшей дочери дня за три до...

Пётр Ключарь неторопливо водил пальцем по экрану планшета и приговаривал:

– Как приятно работать с такими людьми, как вы, дорогой наш Игорь Николаевич! Вы у нас... ага, активный благотворитель... В списке ваших заслуг... начинаю считать – гуманитарная помощь детским домам – раз! Юношеский марафон «Малютка» имени Малюты Скуратова – два! Спонсирование молодёжных спортивных

программ в областях... проще сказать, где вы их не организовывали – на Крайнем Севере и на Северном Кавказе... три! Поддержка – фактически начало с нуля! – программ государственного издания в регионах учебников истории – четыре! И, наконец, финальное выступление в Думе о том, что нашим детям наше государство поможет всегда, пусть даже всем депутатам придётся снять последнюю рубашку! Пять! От этого выступления, признаюсь, и у нас тут некоторые заплакали...

Бестелье скромно потупилось.

– Солидный, солидный послужной список! – разливался соловьём Пётр Симонович. – Да, вы наш человек, никаких сомнений! – и рубанул дланью в воздухе.

Бестелье весомо покивало.

– Пожелания к оптимальному раю есть? – деловито осведомился Пётр Симонович.

Игорь Николаевич задумался. Он никогда раньше не думал о рае, и его представления были удручающе стандартны: мешанина из облачных куш, парящих в невесомости ягнят и полуодетых граждан. Но Пётр Симонович вновь перехватил инициативу.

– Понимаю, понимаю, в одночасье трудно определиться, – заговорил он успокаивающе. – Я вам подскажу! Изволите ли помнить – во время сеанса релаксации в закрытой сауне вы поделились со своим лучшим другом одним желанием... – Пётр Ключарь утвердил перед Игорем Николаевичем планшет, и на его экране появились до умиления знакомые чиновнику интерьеры парной, бассейна, отдельного «переговорного» кабинета... А вот и сам он, завёрнутый в махровую простыню на манер римского патриция, сидит напротив Степана и, отодвигая кегу с настоящим баварским пивом, через стол что-то упорно втолковывает приятелю... А тот пьяно кивает, норовя упасть мордой на стол.

– Очень справедливое желание, при вашем-то образе жизни, – одобрил Пётр. – Необитаемый остров просили вы, в тропической зоне, и чтобы ни одной суки рядом – ни профессионалки, ни коллеги, ни ревизора, ни полицейского. Не так ли?

И на экране планшета закачали разлапыми листьями в сочной синеве высоченные пальмы. Кокосовый орех оторвался от одной, медленно и важно преодолел воздух, ударился о светло-жёлтый берег... на котором, докуда хватало взгляда, не было никого... орех лопнул, и смачные брызги полетели в лицо Игорю Николаевичу.

– Да, пожалуй! – подскочило на месте бестелье, переполненное возбуждением. – Это то, что мне сейчас надо!

– Для меня большая честь проводить вас к месту вашего оптимального блаженства, – официально произнёс Пётр Ключарь, вставая из-за стола. – Но, надеюсь, вы не будете возражать, если по пути туда мы совершим маленькую экскурсию? Вдруг вы перемените своё решение? Изменить оптимальный рай проще простого – стоит только захотеть!

Игорь Николаевич согласился, что это мудрый подход. И милостиво разрешил себя проводить. Они пошли коридором из ничего. В конце коридора маячил радостный свет.

– Любые вопросы! – щедро разрешил Пётр Симонович.

Игорь Николаевич решил не теряться:

– Скажите, почему у вас такая современная приёмная?

Пётр на ходу захохотал:

– Обратили внимание? Удивились? А всё очень просто! Приёмная у меня – по запросам душ! Что вы хотите! Все души современные, продвинутые, рай представляют как офис, меня – как менеджера среднего звена! Я вам больше скажу! – интимно понизил голос Пётр Ключарь: – Наш контингент и Их представляет себе, как триумvirат топ-менеджеров. Ведь каждый из нас оперирует системой привычных понятий и представлений! То, что Их никто из душ не видит, только усиливает мнение о Них, как о засекреченных, на вашем языке, персоналиях. Некоторые даже пытаются найти у нас «секретные» уровни, на которых Они обитают... Честно говоря, Игорь Николаевич, мы вопрос визуального образа райских врат даже на голосование ставили. Кое-кто настаивал на романтической версии, кто-то – на классической: крепостная стена и огромные в ней ворота. Но от стены с воротами отказались: архаично больно, не впечатляет жителей XXI века. Только из глухих деревень порой прибывают люди, которые, по старинке, представляют себе врата, над ними лучезарное зарево, а меня – в хитоне, – Пётр не удержался, хихикнул. – Некоторые фанатики рядом с раем хотят видеть геенну... Мы им создаём такую видимость. Озеро огня и мятущиеся в нём силуэты... и простенькая аудиозапись – стоны, проклятия, божба, обращения к Ним о прощении... Самый примитивный образ эксплуатируем...

– А разве она на самом деле не... – заикнулся было Игорь Николаевич.

– Она – далеко не, – жёстко ответил Пётр Симонович. Игорь Николаевич внезапно понял: дурашливая болтливость – не более чем маска. – Она далеко отсюда и выглядит очень специфически. Озеро огня по сравнению с нею – детский лепет на лужайке. Желаете продолжить разговор на эту тему?

Невозможно было намекнуть прозрачнее, и Игорь Николаевич проворчал, что нет, его любопытство удовлетворено, и Пётр Симонович опять стал своим парнем.

– Визуализация устойчивых представлений в нашем деле имеет ключевое значение! – похвалился он, увлекая Игоря Николаевича за собой по коридору, растягивающемуся, точно брандспойт. – Нам ведь важно, чтобы нашим посетителям было комфортно! Комфорт – это же главное, чего люди жаждут отрая!

Бестелье Игоря Николаевича крутило головой в чайнии определить, когда же кончится коридор и начнётся то, куда они направляются. Пётр Симонович догадался:

– И коридор я удлинил, дорогой вы мой, из тех же соображений – чтобы успеть рассказать кое-какие азы, а вам было бы удобно слушать и не отвлекаться!

– А я-то уж испугался... – перевёл дух Игорь Николаевич, хотя «перевод духа» был теперь не более чем идиомой.

– Чего пугаться, золотой вы мой? Мы же не на земле! У нас путаница исключена! – весомо сказал Пётр.

– Ну, я понимаю... – промямлил Игорь Николаевич. – Но всё-таки уже хочется... узнать... за приёмной – что?

– Потерпите ещё минуточку! – попросил Пётр Симонович. – Понимаете ли, что за приёмной – зависит от вас! Ну, не конкретно от вас, а от всякой поступающей души! У каждого ведь свои представления о рае – чаще всего, как о месте оптимального отдыха. Поэтому обликрая зависит от прижизненных установок. Большинство видят

комфортабельную природную зону – пляж на Тенерифе либо английскую лужайку в поместье... Что, извелись? Ну, вот, любуйтесь! – Пётр широко взмахнул рукой, и сполохи Ничего свернулись, открывая взору бестелья пейзаж, от которого оно онемело.

Игорь Николаевич увидел и пляж, и усадьбу с живописным парком, и тихую речку на утренней зорьке, и зимний вечер в кабинете с пылающим камином, и майский сад в белоснежном цвету, и номер в первоклассном отеле, и даже сауну с развесёлыми сотрудницами. Последнее видение он смущённо отогнал, пока провожатый не засёк.

– Глаза разбегаются? – понимающе заметил Пётр. – Что ж, так и должно быть – вы ведь образованный человек, каких только краёв ни повидали... Не мешает многообразие-то? давайте всё-таки унифицируем картинку...

Щелчком пальцев Пётр свернул все пейзажи и интерьеры, оставив себя и Игоря Николаевича в натуральных райских кущах. Дорога, усыпанная вкусно-жёлтым песком, петляя, убегала вперёд. Бестелье быстро поняло, что зигзаги не случайны – за каждым поворотом им встречались всё новые персонажи.

Человек в строгом, на все пуговицы застёгнутом пиджаке стоял под раскидистым розовым кустом и, отталкивая от брюзгливой физиономии махровые цветы, орал в пространство:

– ...Обман всё! Цветочки эти, кустики! Антураж один! А счастья-то – нет! Нигде, даже в раю! И нечего нам втяхивать: вечное блаженство, оптимальный рай! Какой это, к матери, рай, если счастья в нём с огнём не сыщешь?

Пётр прошёл мимо, бровью не поведя. Игорь Николаевич не выдержал: когда причитания затихли в отдалении, осторожно спросил провожатого:

– Что это с ним?

– Он находит счастье, уверяя нас всех, что счастья нет и рая нет. Это его высшее благолепие, которое он не променяет ни на какой экстаз!

Понятнее Игорю Николаевичу не стало.

– Я же вам говорил: для нас главное – личный комфорт души! Эта душа может быть счастлива, только отрицая счастье. И почему мы не можем ей предоставить такой-то ерунды?

– А... ну да... – промямлил Игорь Николаевич.

– Стой, падла, стреляю! – заревели из зарослей, и вполне земная автоматная очередь распоролла благостную атмосферу рая. Игорь Николаевич кувыркнулся в траву и то ли пополз, то ли покатился подалее от источника страшного звука. Кажется, он даже вспотел от ужаса.

Игорь Николаевич упёрся лбом в чьи-то ноги и поднял взор. Это был Пётр Симонович.

– Милый мой! – всплеснул он руками. – Что это с вами?!

– Стреляли, – неприязненно проговорил Игорь Николаевич, точно известный киногерой.

– Да что вы, дорогой человек! Да разве же здесь возможна стрельба? – Пётр Симонович развеселился. – Ну, посмотрите же на нашего стрелка! Да не бойтесь!

С опаской бестелье поднялось из травы. Из-за куста цветущей жимолости выскочил человек в форме капитана Красной армии и с автоматом наперевес.

– Попрятались, немчура! – дурным голосом блажил человек и давил на курок. Автомат исправно изрыгал пламя, и пули летели из дула, но... не причиняли никакого вреда ни цветущим кустам, ни Петру Симоновичу, который подошёл и встал прямо на траектории полёта. Ну ещё бы – метнулась мысль у Игоря Николаевича – он-то бессмертный!

Игорь Николаевич разглядел: перед автоматчиком плясали несколько полупрозрачных фигурок в эсэсовской форме. Когда в какую-то попадала пуля, фигурка истаивала сероватым дымом. Но на её месте тут же вырастала новая.

– Ах, суки, подкрепления дождались?! – завыл человек и метнулся куда-то в гущу флоры. Выскочил он оттуда уже с гранатомётом и произвёл отличный залп в самое скопление «эсэсовцев». Вся их группа вознеслась горе, точно песчаный смерч, и стрелок перевёл дыхание, стёр пот со лба... и устало опустил наземь...

– Отстоял родину! – похвалился он неизвестно кому.

– Вот видите, а вы дрейфа задали! – усмехнулся Пётр. – Это всего лишь игра. Вроде компьютерной, только в натуральную величину. Как в вашем 7D. Для этого человека рай – бесконечная война всех со всеми. Специально приставленный ангел обеспечивает ему вечную войну: снабжает его как врагами, так и оружием. Он практически не бывает в покое. Ведь человечество столько воевало, а он хочет испытать на себе все баталии...

Перед воином бегали разом наполеоновский пехотинец, кайзеровский солдат, немецкий латник – «пёс-рыцарь», офицер СС, британский томми и кампучийский «красный кхмер». А воин стал каким-то странным: в белом балахоне, затянутом кожаными ремнями, в сыромятных башмаках и с оружием вроде большой рогатки в руке.

– Он теперь балеарский пращник, – пояснил Пётр Симонович. – Эти воины – страшная сила! Наёмные лёгкие пехотинцы, профессионально владевшие пращей. Участвовали во всех античных войнах...

– Всех мочить! – рывкнул воин и раскрутил над головой свою «рогатку».

Каменюка из пращи врезалась прямо в голову Игоря Николаевича. Он не успел ни присесть, ни отклониться. Но удара и не почувствовал.

– Убедились теперь, что эта игра совершенно безопасна для окружающих? – ободрил Пётр Симонович.

– Убедился, – кисло сказал Игорь Николаевич, подумав: «Всё равно полудурок! Лучше бы баб себе заказал – вместо врагов...».

– Пойдёмте дальше! – любезно предложил Ключарь. Игорь Николаевич с облегчением согласился.

То, что бестелье увидело дальше, было зрелищем тоже на грани фола, но в другом роде. Игорь Николаевич вслед за своим «Вергилием» (обществом которого уже стал втихомолку тяготиться, но боялся ему дать это понять из привычки не раздражать вышестоящее начальство) вырулил на небольшую полянку, уютную и прибранную, точно будуар. Вокруг ровного травяного овала теснились плотные кусты, будто ширмы, а по всей площади поляны были разбросаны травяные кочки, напоминающие топчаны. В одном краю полянки был воздвигнут небольшой благозвучный водопадик. Этот уголок походил на крошечную душевую, и Игорь Николаевич, не удержавшись, скабрёзно хихикнул. Пётр придержал спутника слабым жестом. Игорь Николаевич и сам услышал где-то впереди игривые повизгивания. Они приближались.

На полянку, распахнув кусты, выметнулась в чѐм мать родила особь вроде бы женского пола. Но женского было в ней – лишь намѐк на крошечные сухие вторичные половые признаки спереди маленького скрюченного тельца да складка между чудовищно кривых ног. Морщинистое личико, сидевшее на вялой шее кособоко, было полно шаловливого восторга. Уродливая особа заметалась по полянке, прячась за травяными топчанами. Тут же стало ясно, кого она так «боится». За уродиной послушно гнались семь атлетического сложения злато- и чернокудрых красавцев. Они рассеялись по полянке, делая вид, будто не видят своей «добычи». Но один из атлетов приблизился к дерновому дивану, за которым возилась и похрюкивала красотка. Тигриным прыжком она вымахнула из укрытия, повалила красавца на кочку и деловито взгромоздилась сверху – а потом, обратясь к своей гвардии, взмахнула рукой...

Взору Игоря Николаевича предстала такая картинка, что даже ему, прошедшему все кварталы красных фонарей раскованных европейских столиц, стало не по себе, он стыдливо отвернулся и посигналил Петру: пойдѐмте отсюда!..

За кустами Пѐтр пояснил:

– Старая дева, очень добрая, милосердная... приют падших женщин содержала до революции в Витебске... Всю жизнь только об этом и мечтала, но умерла невинной – неужели ей теперь отказывать в такой малости? Вот и ждѐм, когда ей надоест.

Но Игорь Николаевич уже не слушал провожатого. Взор его привлекло мимолѐтное виденье и гений чистой красоты. Необыкновенная красавица в неглиже сидела в очередной оранжерее, раскинувшись в позе непринуждѐнно-сексуальной. То, чему только что стал свидетелем Игорь Николаевич, невольно распалило его, хоть и был он теперь бестельем – но если уродине можно, значит, это здесь допускается!..

– Не в этом случае, – сказал над ухом Пѐтр Симонович, и бестелью почудилась в его голосе ехидная нотка. – Эта женщина себя блюдет. – Игорь Николаевич аж передѐрнулся: «Мысли читает!.. Мог бы и поделкатнее!» – Давайте познакомимся.

Приблизившись, Игорь Николаевич увидел рядом с шезлонгом внушительную стопку книг: Стивен Хокинг, Фрэнсис Фукуяма, Альфред Маршалл... и тому подобное. От имѐн у Игоря Николаевича возникла оскомина.

– Здравствуйте, милое создание! – рассыпался Пѐтр Симонович. – Как ваши успехи?

– Здравствуйте, отче! – весело откликнулась красавица. – Знаете, неплохо! Кажется, я нащупала общую тенденцию в современной цивилизации, которая никак не давалась мне на земле! Большое видится на расстоянье! Теперь у меня есть работа на ближайшее десятилетие... ах, никак не отвыкну считать вечность в земных единицах времени!

– Познакомьтесь, дорогой Игорь Николаевич! – радушно представил Пѐтр. – Лилия Павловна. Вы не знакомы по Думе? Она ведь была секретаршей Расстригина!

– К-как – Расстригина? – поперхнулся Игорь Николаевич. – Почему же я вас не видел?

– Да потому, – равнодушно ответила красавица, – что он меня использовал в основном дома. В приёмной у него сидела другая кукла. Мне он говорил: «Отдыхай, детка!» В переводе на наш с ним сленг это

означало: сиди, пиши мне очередной проект. А что вы думаете? Все эти макроэкономические проекты, какими он прославился как знаменитый реформатор и экономист, писала ему я! У меня три высших образования и голова есть на плечах – а у него три класса, коридор и жевательно-лизательный рефлекс... Эх, не вовремя рухнул мой самолёт над Атлантическим океаном! Я бы добилась того, чтобы самой войти в Думу – а так мои замыслы достались идиоту, который их даже прочитать не способен! Хотя мне всё время хотелось не только экономикой заниматься, но цивилизационными моделями, теоретической физикой...

– С вашей внешностью! – сказал Игорь Николаевич, знавший о теоретической физике только эти два слова. – И писать экономические проекты! Да вам бы на сцене блистать!..

Глаза Лилии сверкнули.

– И вы туда же! Господи, я надеялась, что хоть в раю буду избавлена от мужского шовинизма! Я всю жизнь кляла свою роскошную внешность и мечтала вести научную работу! Что и делаю в раю. А вы свободны! – отрезала она и уткнулась в книгу Хокинга.

– Извините, – промямлил Игорь Николаевич в сердитую спину.

– Лилия Павловна, простите его, он новичок! – подольстился и Пётр Симонович. Красавица дёрнула плечиком, что, видимо, означало: извинения приняты, проходите! Неразлучные товарищи прошли.

– Ничего, ничего, вы привыкнете, – успокаивающе сказал Пётр Симонович.

– К тому, что здесь всё не по-людски? – запыхтел Игорь Николаевич.

– Вот именно! Не по-людски! – подхватил Пётр. – Не так, как заставляют принятые среди людей установки и правила, искажающие все наши заветы! А так, как и должно быть в совершенном мире! Что это, помилуйте, за правило такое – если красавица, так непременно с интеллектом амёбы? Если умница, так обязательно дурнушка?! Я в догадках теряюсь! Даже Они, – он возвёл очи горе, – недоумевают. Сошлись во мнении, что кто-то слишком вольно трактовал слова: «Да будет украшением вашим сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа». И пошло искажение...

– Это кто же сказал? – любопытно спросил Игорь Николаевич.

– Я, – ответил Пётр. – В первой жизни. Но если бы я знал... да ладно, не об этом речь! Важны, в конце концов, дела. И там, и здесь.

– Но какие дела? – растерялся Игорь Николаевич. – Мы же все бесплотны! Мы же ничего для материального мира сделать уже не можем!

– И опять вы не правы! – торжествующе заметил Пётр. – Большинство душ не хочет здесь ничего делать, считают, что там наделались на всю вечность вперёд – это да. Но такие, как Лилия Павловна, тяготеют бездельем – и работают.

– И доклады по высшей экономике вам зачитывают? – не сдержался Игорь Николаевич. – Или Им, напрямую?!

– Конечно, нам, как вы и изволили съязвить, доклады о вашей экономике без надобности. Но вот вам они очень нужны! И мы их переправляем в микрокосм. Чаще всего – старым, испытанным путём: в виде озарений транслируем научные работы наших обитателей в умы ныне живущих. Но есть и другие способы... В книгу оформить и подкинуть кому-нибудь, кто способен понять... В телевизионную передачу вплести на правах двадцать пятого кадра... Не забываем о творениях наших, стараемся помогать...

– Спасибо, – буркнул Игорь Николаевич. – Вы меня извините... А... скоро уже моё... пристанище?

– Устали? – разыграл заботу Пётр. – Да, я вас, наверное, заболтал, утомил новой информацией... А у вас впереди вечность, вы всё узнаете... Ну, прошу прощения! Давайте тогда угол срежем!

Но на пути, хоть и со «срезанным углом», Игорю Николаевичу довелось увидеть ещё много поразительных сцен. И под конец он уже перестал чему-либо удивляться. И даже не обращался к Петру за разъяснениями, усвоив, что они будут стандартны: мы даём каждой душе то, чего она более всего желает. Хотя поверить в то, что душа желает телесных мук – как у того мужика, которого несколько дюжих ангелов в телогрейках хлестали плетьюми, а тот балдел и лишь крякал, прося: «А ну, сильнее!» – было сложновато...

– Да, это вам не понять, – снисходительно обронил Пётр, когда они миновали экзекуцию. – Этот человек явился к нам в середине 70-х. Он из правоверных коммунистов, комсомольцев 20-х годов... его любимый герой – Павка Корчагин! И он поверил с детства, что счастье в страданиях. Всю жизнь то воевал, то голодал... даже в конце жизни, живя в мирное время на Урале... в коммуналке... Вот он и привык. Изобилие, комфорт, покой – не для него, он воспринимает это как подвох или провокацию. А вот если голод, нужда и боль – он счастлив! Но вы, Игорь Николаевич, должны быть благодарны таким людям! Они же своим аскетизмом подготовили почву вашему поколению – знающему толк в удовольствиях... отдали вам власть, себе взяв самое дорогое – страдания...

Впрочем, далеко не все обитатели рая были из того теста, что добровольный мученик. Один, который особенно понравился Игорю Николаевичу, выбрал простой русский способ получать удовольствие – расположившись в деревенской избе за богато накрытым столом, где лобстеры и омары соседствовали с варёной картошкой и квашеной капустой, пил чередом по стакану из батареи бутылок – и всё время оставался «вполсвиста». Третий мужик, запомнившийся Игорю Николаевичу, спокойно сидел и читал газету – вчерашний московский таблоид! Его из огнемёта расстреливал в упор давешний воин и орал что-то непотребное. А читатель невозмутимо перелистывал страницы.

– Знаете ли вы, дорогой мой, сколь многим тут нужно наивысшее счастье, не достигнутое в жизни, – чтобы их никто не трогал! Чтобы их ничто и не могло тронуть! – прочувствованно заявил Пётр Симонович.

– Знаю! – напрямик ответил Игорь Николаевич. – Мне этого как раз и хочется!

– Мы уже почти пришли! – успокоил дотошный гид.

Игорь Николаевич с провожатым оказались в проулке, похожем на улицу в посёлке правительственных дач. Справа и слева тянулись высоченные заборы, но коснуться их было никак невозможно – руку бестелья отбрасывало от изгородей, точно мощным силовым полем.

– Это у нас Индивидуал-центр, – объяснил Пётр Ключарь. – Заборы образуют клетки, в каждой из них сидит тот, кто полагает, что он в раю один. В основном это, конечно, религиозные фанатики, но есть и острые аутисты или хронически одинокие люди, привыкшие к полной изоляции... Узники одиночек, например.

Игорь Николаевич, наконец, осознал, что его смутно интересовало всё время – или безвременье – затянувшейся экскурсии.

– Пётр Симонович, я тут ни одного ребёнка не увидел! А ведь детишки, безгрешные души, говорят, прямиком в рай возносятся. Как же так?

Пётр Симонович опять стал сухим и значительным. И ответил безо всякого дружелюбия:

– Рай для детей у нас совсем в другом месте. А что это вы про него спросили? Хотели свои земные профессиональные познания здесь применять? Поверьте – не стоит!

– Да я... что вы! Я ничего! – забормотал Игорь Николаевич.

– Вот мы и пришли! – объявил Пётр Симонович.

Одним перемещением они оказались на берегу моря. Ноги бестелья увязли в светлом, мягком, как пух, песке. Вокруг него разверзся бескрайний простор. И наполняло простор блаженное одиночество! Ласковый прибой, узорная полоса гальки, вечерняя заря над гладью воды, размеренный, убаюкивающий шёпот волн, семейка длинноногих пальм... И маленькое, но уютное с виду бунгало под пальмами.

Внутри бунгало оказалось оборудовано по уровню «пять звёзд». С минибаром и телевизором («Первый Вселенский телеканал транслирует всегда, стоит вам лишь мысленно кнопку нажать!»). Игорь Николаевич обошёл две комнаты, покачался на упругом матрасе в спальне, посидел в гостиной, полюбовался запасами деликатесов в холодильнике и кухонных шкафах («Вам еды уже не надо, но в одночасье вы от земных потребностей не отвыкнете, и здесь всё, что вы любите!») и признал, что о таком рае он мечтал всю жизнь. Хотя она и сама по себе была изобильной и комфортабельной.

Потом он хватился – а как запирается дверь. Пётр Симонович иронически наблюдал, как Игорь Николаевич ищет на двери замок.

– Дорогой мой! Не путайте! Вы не на Багамах всё-таки, а в раю! К вам сюда никто не сможет войти, потому что на текущий момент ваше требование к оптимальному раю – природа, бытовой комфорт и полное одиночество! Ошибки здесь исключены! Если выйти из бунгало и оглянуться через левое плечо, окажетесь на тропе, ведущей к «людям»! Вдруг затоскуете! – сказал Пётр и наконец попрощался.

– Не затоскую! – заносчиво гарантировал Игорь Николаевич. – А если что, вас позову!

– Да – одного мысленного зова мне будет достаточно! – откланялся Пётр Симонович.

Как бы ненароком не подумать о нём – было последней думой Игоря Николаевича, без сил валящегося на кровать и раскидывающего бестелье в блаженной позе.

...Следующий день для Игоря Николаевича был средоточием счастья. Одинокое купание, одинокий завтрак любимыми продуктами, без оглядки на холестерин, изжогу и калории, одинокий просмотр программы Первого Вселенского – старые земные кинокомедии... Игорь Николаевич наслаждался полным покоем, пока... случайно не глянул в окно и не увидел, что к его бунгало идут по песку трое в чёрном.

Бестелье всё захолонуло. Но оно верило «вчерашним» обещаниям Петра Симоновича. Игорь Николаевич, сжавшись на диванчике в гостиной, думал: не войдут, не смогут!

Они вошли. Дверь даже не стукнула. Вот троица была за окном – а вот она уже в комнате.

Один сел напротив Игоря Николаевича на кокетливый пуфик и занял, казалось, полкомнаты. Второй грамотно встал у двери. Третий блокировал панорамное окно.

У бестелья отнялся не только язык, но и мыслительный процесс.

– Мы к вам, Игорь Николаевич, вот по какому делу, – неспешно начал тот, кто сидел. – Мы вас проверили по базе. Вчера у нас с вами ошибочка вышла. Вам не здесь надлежит быть, а на пятьсот уровней бытия ниже.

Игорь Николаевич догадался, что за место дислокации скрывается за этим эвфемизмом.

– Почему, за что?! – по-петушиному воскликнул он. – Я же благотворитель! Мне вчера Пётр Симонович сам сказал: «Вы наш человек!»

Главный из пришедших достал планшет. Техника была великолепна.

– Вот именно здесь у нас ошибочка и вышла... Да, по формальным признакам вы благотворитель. Делами отцов и детей занимались с 1992 года. Первое ваше деяние на этом славном пути – подряд на поставку гуманитарной помощи в детские дома от 6 августа 1992 года. Тогда вы ещё не были депутатом Государственной Думы, а владели холдингом «Игорь-свет». Итак: 78 процентов поставленного – американская тушёнка, мука, конфеты – было роздано трём детдомам Московской области, потом изъято и проведено по накладным как списанные излишки. Они чёрным налом куплены фирмой «Ромашка», которой владели через подставных лиц также вы, и распроданы на рынках. Остальное сохранилось в одном лишь детдоме, для детей-инвалидов, и то разнесли по домам директор, завуч и воспитатели. Детям досталось лишь то, что выкрал воспитанник детдома Коля Побегаев. Он не был инвалидом, но его родителей лишили родительских прав за пьянство, мальчика пристроили на время в детдом, собирались переводить в школу-интернат... Коля, приученный голодом в родном доме тащить всё, что плохо лежит, через окно влез в подсобку, куда сложили продукты, чтобы рассортировать ночью, когда воспитанники заснут. Вскрыл одну коробку и схватил три шоколадки и несколько бутылок «Пепси». Раздал товарищам. За это Колю потом избili воспитатели. Так, что его уже не потребовалось переводить в школу-интернат.

На экране планшета Игорь Николаевич увидел человекообразное существо, прикованное к невероятно грязной постели.

– Это не я! Я же его не бил! – заорал он от ужаса и отвращения.

– Да, своими руками вы его не били, – бесстрастно согласился некто в чёрном. – Но вся благотворительная деятельность холдинга «Игорь-свет», активно разворачивавшаяся в 90-е годы, строилась по той же самой схеме. А её фактическими жертвами, кроме Коли Побегаева, стали ещё шестнадцать воспитанников детских домов. Итак, шестнадцать душ на вас за восемь лет.

– Я же не знал, что они там творят! – надрывался Игорь Николаевич. – Я хотел как лучше!

– Имели благие намерения; весь наш контингент с этого начинает, – кивнул чёрный. – Идём дальше. Благотворительный марафон «Малютка», открыт в 2002 году, когда вы уже стали депутатом и по документам оставили бизнес. Холдинг «Игорь-свет» был обанкрочен, стоимость его активов составила ваш первый счёт в оффшорной зоне. Откат с марафона «Малютка» в вашу пользу составил 35 процентов, в пользу того, кто разрешил вам его открыть, – 50 процентов показанных в документе средств.

– Но дети были довольны, – пролепетал Игорь Николаевич.

– Как на земле говорят: «Слаще морковки ничего не ели», вот и были довольны, – покладисто сказал чёрный. – Всё «нулевое» десятилетие вы занимались как глава думского комитета оздоровлением подрастающего поколения, пропагандой спорта и здорового образа жизни. Спортивные мероприятия – общее число шестьдесят три – тут цифры откатов больше, чем на марафоне. Книгоиздание – вы создали программу бюджетного книгоиздания «Смотришь в книгу!» под своего брата, не закончившего исторический факультет педагогического института. Он исключён с третьего курса со скандалом из-за изнасилования сокурсницы. Человек с бумажкой «н/высшее образование» сочинял учебники истории. От них все издательства отказывались. Вы помогли брату своей программой. Суммарный тираж его книг составил 600 тысяч единиц. Половину бюджета с программы вы разделили с братом. Потом вы его учебными пособиями насытили сибирские округа. Откат в вашу пользу составил 30 процентов.

– А братская любовь?! Разве это не заслуга? Я же это для брата! И всё остальное – для ближних! Для жены, дочек! Для родителей стареньких! – голосил Игорь Николаевич.

– Ах да, о любви к ближнему своему... Друга, Степана, с которым вы откровенничали в сауне, в том числе о вашем идеальном рае, посадили по обвинению в злоупотреблениях...

– Потому что он, дурак, зарвался! – пискнул наш герой.

– Да, злоупотребления с его стороны имели место, но кто донес на него органам в разгар борьбы с коррупцией? Анонимно?

– Откуда я знаю? – фанаберился Игорь Николаевич. – Анонимно же!

Игорю Николаевичу показали трёхминутный ролик, как Игорь Николаевич диктует секретарше Лизочке, отечески поглаживая её по спине и ниже, письмо, чтобы отправить его на «горячий» электронный адрес с одноразового почтового ящика.

– В тот вечер, когда вы поделились со Степаном мечтой о своём идеальном рае, он поделился с вами тревогой по поводу некоторых операций, которые могли не понравиться правительству во время объявленной кампании. Вы обещали ему секретность. Письмо с фактами ваша секретарша отправила через день после встречи в сауне...

Игорь Николаевич не нашёлся, что ответить: всё, что мог бы он сказать, не будет иметь здесь ни веса, ни авторитета, в отличие от земли. А посланец ада перелистнул на мониторе ещё несколько страниц.

– А умерли вы, увидев по телевизору, что президент США подписал список тех россиян, кого лишили права вести деловые, в том числе банковские операции в США – в связи с тем, что ваша дума приняла так называемый... – чёрный сверился с «Яндексом», – «закон Димы Яковлева» – о запрете американцам усыновлять российских детишек. В список вошли все ярые сторонники запрета. Ваша «тронная речь» в Госдуме сделала вас таковым!

Игорь Николаевич полюбовался, как он выступает на заседании Госдумы:

– И я вам ответственно заявляю! Что наша великая держава способна обеспечить сиротам в Российской Федерации жизнь лучше, сытнее, комфортнее, а главное – духовно богаче, нежели в какой-то Америке! Даже если всем нам придётся снять последнюю рубашку!

– А потом вы у себя в кабинете смотрели телевизор и увидели новость, что президент США принял ответные меры в адрес нескольких

сотен россиян. В Конгрессе активно обсуждается законопроект о снятии банковской тайны с ваших счетов и национализации средств с них. В том числе называлась ваша фамилия. А у вас в банках США, по разным сведениям, от 170 до 200 миллионов долларов на разных счетах, в том числе на подставных лиц! И вы этим государственным актом оказались разлучены со своим состоянием... Чего и не выдержали. Сосуды у вас были запущенные...

Игорь Николаевич на экране сорвал с себя галстук, прохрипел «это провокация!» – и осел с кресла вбок. Игорь Николаевич, скорчившийся на диване, подумал, что могли бы быть и понежнее. Потом понял: от кого шепетильности ждёт?..

– Собирайтесь! – буднично сказал главный.

– Апелляция возможна? – прошептал Игорь Николаевич. – Я всё верну детям...

– Теперь уже поздно, – ответил чёрт. – Счета арестованы.

– Последнее желание, – слабо, точно вновь умирая, выдохнул Игорь Николаевич. – Проведите как-нибудь... незаметно... Стыдно же!

– Похвальное желание. Проявление стыда зачтём при распределении, – сказал чёрт. – Но пройдем обычной дорогой. Да вы не переживайте – там почти каждый день такие картины наблюдают. Ошибки-то выплывают...

– Ошибки! – взъярился Игорь Николаевич. – Сексуальная маньячка трахается сразу с семерыми – это для вас не ошибка! Убийца жаждет весь мир расстрелять – это нормально! Они в раю! А меня – на посмешище?!..

– Вы обнулили себе очко, заработанное проявлением стыда, – объявил чёрный, вставая.

И они пошли по раю мимо всех его героев, которым Игорь Николаевич жгуче завидовал в этот момент. А вот Пётр Симонович навстречу печальной процессии так и не попался.

Зона удовольствий осталась позади, и вокруг Игоря Николаевича и его спутников опять заклубилось Ничто.

– А как там у вас? – на ходу проговорил Игорь Николаевич. – Тоже оптимальный ад?

– А как же, – ухмыльнулся главный. – Ад имеет смысл только тогда, когда пугает. И не в шутку, как в ваших аттракционах, – а по-настоящему. Когда страх овладевает душой. Когда он – самое страшное, чего ты боялся при жизни.

Игорь Николаевич больше всего, начиная с учёбы в спецшколе, пионерского лидерства и комсомольской организационной работы боялся... жить как простой обыватель. Считать копейки до зарплаты, ездить в автобусе, возделывать шесть соток песка и глины на «даче» и отпуск в Сочи считать филиалом рая. А главное – понимать, что он ничего не решает!

Хаос перетёк в несчётные гектары грязной земли, по которым змеилась непролазная дорога. Бестелью стало холодно – а он думал, что распрощался с органами чувств!

– Физические ощущения вашей душе вернулись, иначе какой смысл в вашем персональном аду, – бросил главный чёрт. – Сейчас ноябрь, распутица, средняя полоса России, неперспективная деревня и моногород с умершим заводом. Для вас это режим на ближайшие... ну, скажем, двести лет. Потом, возможно, будет колхозная весенняя страда... ну, там посмотрим... на ваше поведение.

На горизонте, к которому утекала разбитая в хлам грунтовка, уже маячила запруженная людьми остановка автобуса. Все, кто стоял там, зябко ёжились под ветром, кутались во всякое тряпьё: кто постарше – в советский ширпотреб, кто помоложе – в китайские пуховики с вылезавшей по швам серой набивкой. На Игоре Николаевиче оказалась одежда дворника, подметавшего двор обкомовского дома в конце восьмидесятых (мимо него комсомолец надменно проходил не здороваясь, клянясь, что никогда не позволит себе быть таким, как это быдло): брюки из районного дома быта, самовязанный свитер, болоньевая куртка и шапка-«петушок». И ботинки, фабрики, может, «Скороход», а может, «Парижская коммуна». В правом уже хлюпало. А левый жал.

Эскорт остановился. Предводитель хлопнул Игоря Николаевича по плечу.

– Езжайте, – сказал главный. – Вам, кто на той остановке, всем в одном направлении, до конечной, там у нас КПП. Ближайший автобус завтра.